

Александр Кабанов

О русофобии, или естественном праве на защиту

В течении последних двух лет со времени нарушившего всю систему международного права нападения России на относительно недавно появившееся независимое Украинское государство, в результате которого была захвачена часть его территории, украдена собственность, а в ряде областей был организован кровопролитный военный конфликт, приходится часто слышать от представителей России о возрождении «русофобии» и появлении некой антироссийской идеологии на ее основе (1). По их утверждениям, русофобия – это некая специально созданная, вызывающая ненависть к России и русским социально опасная (в этом смысле даже проводятся исторические сравнения с антисемитизмом и расизмом) идеология, осуществляемая с целью оказать политическое давление на Россию, охватившая сегодня практически всю Европу, Соединенный Штаты, Канаду, Украину и, как это не покажется странным, саму Россию, если судить по количеству вынесенным там обвинительных приговоров (2).

Ниже я покажу, во-первых, что в действительности никакой русофобии, в качестве идеологии никогда не существовало, ибо всякой идеологии необходимо должна предшествовать определенная социальная теория, на которой бы она могла основываться, но которая в нашем случае отсутствует. В свою очередь, рациональный страх перед Россией и рост антирусских настроений по всему миру является неизбежным последствием используемых Россией с моральной и юридической точек зрения нелегитимных внешнеполитических средств, одним из которых как раз и является распространение в рамках, так называемой, «гибридной» войны мифа о русофобии, как осмысленно созданной врагами идеологии. Во-вторых, то, что живущие по периметру западных границ России народы по причине наличия у них неотъемлемого права на самосохранение, обладают естественным правом на защиту.

I

Определение и описание явления

Так как термин «русофобия» указывает нам на наличие определенного вида фобии, то правильно будет начать с определения самого термина «фобия», который произошел от греческого слова «страх». С психологической точки зрения всякая «фобия» – это симптом, в основе которого лежит порождающий тревогу бессознательный, а поэтому неконтролируемый, страх, возникающий в присутствии или при ожидании появления какого-либо определенного объекта. По этой причине, люди стараются всеми силами избежать подобных объектов и связанных с ними видов деятельности; такими объектами могут быть острые предметы (скажем, ножи), закрытые пространства, самолеты, государства или группы людей, как в нашем случае. Если человеческие фобии происходят в силу субъективных причин, тогда они порождают иррациональный страх, простейший способ избавления от которого – постепенное «сближение» субъекта (или субъектов) с объектом страха.

Что касается описания рассматриваемого социального феномена, то среди прочего можно привести следующие исторические факты. С начала 16-го столетия в страну, тогда в еще Московское Княжество (Московию), увеличился поток европейцев – торговых агентов, членов дипломатических миссий и т.д.; многие из приезжавших составляли описания жизни, нравов и ее политического устройства государства (3). Подавляющая часть этих произведений имела нелицеприятную оценку страны: деспотичная власть, верховенство силы, а не закона и коррупция, какие не встречались нигде в Европе (за исключением подконтрольных Османской Империи областей).

На фоне сложившихся в 16-17 веках представлений о культурных особенностях жителей Московии и методах управления ею всякая территориальная экспансия России в западном направлении (в то время, прежде всего, на польские земли) воспринималась еще более негативно. Здесь можно привести многочисленные примеры: в частности, Готфрид Вильгельм Лейбниц в 1669 году писал, что Польша является «последним оплотом Европы против варваров», ибо «москвиты хуже варваров» (4).

В 19-ом столетии подобными высказываниями уже никого нельзя было удивить. Так известный французский историк и публицист Жюль Мишле, в связи с волнениями в Польше, описывал русских как «скотов-варваров, недостойных общения с европейскими народами» (5). Карл Маркс на одном из митингов заявлял: «Итак, для Европы существует только одна альтернатива: либо возглавляемое москвитами азиатское царство обрушится, как лавина на ее голову, либо она должна восстановить Польшу, оградив себя таким образом от Азии двадцатью миллионами героев (6); а в одной из работ он писал: «Россия усилилась только благодаря тому, что в совершенстве овладела искусством рабства» (7). Его друг и ближайших соратник Фридрих Энгельс писал: «Что же касается России, то ее можно упомянуть лишь как владелицу громадного количества украденной собственности, которую ей придется отдать в день расплаты» (что, стоит признать, весьма современно, учитывая недавний открытый грабеж всех форм собственности в Крыму).

Тогда же русских стали часто сравнивать со скифами, которые в Древнем мире были известны своей наглостью и бесчинствами, о чем повествует Геродот в «Истории» (8). Помимо сходства в нравах и обычаях этих народов, этому помогало и то, что скифы в древности жили приблизительно на той же самой территории. На самым примечательным фактом 19-го столетия было то, что «русофобия» была, кажется, единственным предметом, который объединил всех – социалистов, либералов и консерваторов.

II

Споры о происхождении и причинах возникновения

Представителями России распространяется мнение, что «русофобия» возникла на Западе в результате геополитических конфликтов: территориальных споров, борьбе за ресурсы и рынки сбыта, противостояния религиозных конфессий и т.д. Что ее недоброжелатели искусственно создали и осуществляют практическое использование русофобии в качестве идеологического средства борьбы с Россией в целях ее ослабления. В подтверждении этого обычно указывается, что усиление антирусских настроений на Западе происходит во времена геополитического усиления России. Им даже удалось убедить некоторое число

иностранных журналистов, писателей, политологов и историков в том, что русофобия не является спонтанно возникшим социальным феноменом, а представляет собою особую идеологию, с целью сформировать негативное мнение в отношении России (9).

Невозможно отрицать, что в отношении России пишется много негативного. Однако, здесь важно то, что, во-первых, негативная информация носит объективный характер; таким образом, русофобия не является чем-то искусственно созданным, а, во-вторых, не является идеологией. Здесь просто необходимо правильно определить, что первично, что вторично и что легитимно с моральной и юридической точек зрения.

Если посмотреть на факты, то исторически критика образа жизни и поведения москвитов не имела длительного времени никакой поддержки на государственном уровне большинства европейских стран; это были по большей части личные впечатления побывавших в Московии. Многие сочинения были опубликованы гораздо позднее их написания или даже после смерти их авторов, некоторые из которых встречали препятствия при публикации произведений (10).

Из этого видно, что русофобия – это спонтанно возникший социальный феномен в основе которого лежит объективный рациональный страх отдельных субъектов и целых народов по отношению к России и русским. Между тем, причиной этого страха является определенный и устойчивый во времени образ мыслей и характерная совокупность способов действий (особенности культуры), как правило, несовместимых с нормами морали и человеческих прав, осуществляемых по отношению как к представителям собственной, так и – иных культур (что противоестественно). Помимо этого, данный страх усиливается угрозой насильственного навязывания со стороны России и русских собственных культурных черт представителям других наций и угрожающей им социальной трансформации в лишенное всяких прав полу животное состояние и существование. На то, что русофобия есть защищающий отдельных субъектов, а также народы страх указывает и то, что, Россия имела территориальные, экономические и религиозные противоречия со множеством не-западных стран (например, с Оттоманской империей); однако это не привело к возникновению данного явления ни в одной из таких стран исключительно ввиду менее сильных культурных расхождений.

Кроме этого, русофобия никогда не была какой бы то ни было используемой во внешней политике идеологией. Всякая идеология есть определенная совокупность воззрений на человека и общество, основывающаяся на некоей теории. К примеру, в основе рабовладения лежало представление о природном различии в умственном развитии людей, что рабам требуется кто-то кто бы управлял ими – концепцию которую можно найти в «Политике» Аристотеля (11). В основе идеологии расизма лежат мистические теории о свойствах «крови» Жозефа Гобино и других, а вся коммунистическая идеология Карла Маркса покоится на теории «прибавочной стоимости» без которой она превращается в ничто.

Впрочем, некоторые утверждают, что в основе русофобии лежит расизм, то есть представление о врожденном неравенстве человеческих рас, основывающихся на представлении, что кровь определяет различия в физических и умственных способностях их представителей, а также о влияние последних на ход истории и культуру. Однако, расизм никогда не был первопричиной русофобии, ведь исторически страх перед москвитами и

относящиеся к ней тексты появились гораздо ранее расистских теорий. Кроме этого, на любой неспециальной теории возможно построить только неспециальную и малоэффективную с практической точки зрения идеологию.

Далее, представители России пытаются доказать, что русофобия также опасна и несправедлива, как и антисемитизм, который с появлением расистских теорий обосновывался ложными представлениям и противопоставлении «германской» и «семитской» расы, а до этого – на наветах о причастности к распятию Христа и практики человеческих жертвоприношений. Однако, сделать это им не удастся, исключительно вследствие различной природы этих двух социальных явлений.

В отличие от русофобии, расизм и антисемитизм основаны на предрассудках и как большинство таковых преимущественно охватывали простой и непросвещенный народ, значительно реже разделяясь правящим классом или представителями элиты, литературы, искусства или философии. Сартр считал, что антисемитизм – завидующая воинственная посредственность, возводящая свою посредственность в предмет гордости (13). В конце концов, исторически расизм служил теоретическим обоснованием колониализма, оправданию убийств, ограничению прав и различным формам социальной дискриминации, а антисемитизм вел к погромам, ограничениям прав и таким отвратительным явлениям, как Холокост.

В полной противоположности этому, антироссийским настроениям среди элиты на западе способствовало появления некоторых социальных теорий и общем стремлении к человеческому прогрессу во всех областях деятельности – экономике, праве, технологии и государственном управлении. Здесь стоит упомянуть историзм Вильгельма Фридриха фон Гегеля, с его концепцией передовых народов различных эпох развитие культуры (абсолютного духа) которых, определяет движение истории по пути прогресса (в направлении большей свободы) через развитие государственных институтов и права (объективного духа); теория оказавшая сильное влияние на Маркса и многих других.

С этой точки зрения русская культура и государство, со слабо развитой материальной культурой и приверженностью к автократической власти, являются крайне реакционными, тормозящими ход мировой истории. Реакционные действия России на международной арене (поддержка монархий в 19-ом столетии или диктатур по всему миру в настоящем), всегда вызывали раздражение среди европейской элиты. Именно по этой причине многие в прошлом и сегодня независимо от политических пристрастий или теоретических предпочтений склонны к антироссийским настроениям, видя, как плоды русской культуры в виде насилия вкушают ни в чем не повинные соседние народы. Как бы там ни было, эти представления нельзя обвинить в необъективности.

В свою очередь, те, кто думает, что русофобия – исключительно продукт пропаганды, исходя из этого, полагают, что с помощью развития культурных и прочих видов связей между Россией и европейскими странами можно преодолеть ее последствия в виде предвзятых, неприязненных и враждебных отношений к России и русским; проще говоря, применить классический метод для снятия любой разновидности фобии – сближение объекта с субъектом, о котором я упоминал выше. Что вряд ли представляется возможным по причине наличия объективной рациональной основы для самой причины страха – особенностей

культуры. Следовательно, данный социальный феномен неизбежно продолжит свое существование.

Отчасти такая ложная вера основана на том, что внешняя и внутренняя политика России имели разные периоды. После реакционной политики русских царей почти на всем протяжении 19-го столетия случилась Февральская революция 1917 года, когда провозглашались либеральные ценности, а после тоталитарного советского политического устройства с подавлением национальных движений в Венгрии в 1956 году, в Чехии в 1968 и вторжения в Афганистан в 1979, произошел распад Советского Союза с обретением независимости целого ряда народов. Однако, политические действия, в отличие от оценок и образа мыслей, не всегда являются точным отражением культуры. Именно поэтому Макс Вебер в противоположность Эмилю Дюркгейму часто говорил в терминах «понимающей социологии», а не только исключительно о «социальных фактах», как последний. Ведь впоследствии действия могут быть признаны ошибочными, как с точки зрения оценки политических результатов, так и – их культурной оценки: именно таким образом в настоящем большинство русских расценивают Февральскую революцию и развал Советского Союза.

Следовательно, в русофобии нет ничего плохого или противоестественного; это не есть ненависть либо враждебность к кому-либо или чему-либо, как это пытаются сегодня ложно преподнести представители России. Если люди боятся преступников, идиотов, параноиков и сумасшедших, что в этом дурного? Русофобия – это страх перед колониализмом, насилием, ущемлением человеческого достоинства и нарушения прав собственности, боязнь насилия, подчинения и откровенной клеветы в рамках информационной войны. Когда они заявляют о необходимости бороться с русофобией, это означает только то, что они желают и далее распространять указанные явления.

III

О политической практике и «естественном праве» на защиту

Итак, мы выяснили, что русофобия – объективный страх. Следовательно, никто не может винить субъектов или нации, ощущающие его при наблюдении за действиями России и русских или взаимодействуя с ними; такое право дает им их культура. С практической точки зрения этот страх побуждает к созданию известной совокупности необходимых правил и действий, способных помочь избежать нежелательных последствий; проще говоря, набор практических мер, которые способны обезопасить вас, если вы вынуждены иметь дела с Россией. Кроме того, их практическое применение будет иметь своим прямым следствием изменение нашего мира в направлении большей безопасности и свободы.

Естественно, важно, чтобы данные правила и действия на их основе были морально оправданы и юридически обоснованы, ибо любые нелегитимные нормы и действия никогда не имеют необходимой силы на практике. Несмотря на то, что практические меры должны варьироваться от страны к стране, в зависимости от ее близости к России и других факторов, однако ни одно из них не должно являться несправедливым: связанным проявлением расизма (ограничениями на работу, запрет на брак и т.д.) или национального шовинизма,

который заключается в проповеди национального превосходства с целью обоснования права на дискриминацию или угнетение других народов, в котором преуспели сами русские.

Важность правильно выбранной тактики и высокая цена расплаты за неверные политические решения при ведении дел с Россией сегодня легче всего показать на опыте современной Украины. Несмотря на то, что украинские ученые доказали, что украинцы отличаются от русских в антропологическом, языковом, культурно-бытовом и духовном аспектах многие местные политики не желали их слушать (13). Основная ошибка украинского избирателя и основное преступление политического класса последних нескольких лет была в попытках постоянного заигрывания с Москвой исключительно в целях поиска временной экономической выгоды по целому ряду направлений – условия взаимной торговли, цены на русский газ, кредиты и т.д.

Если посмотреть на вещи здраво, то следует признать, что Украина сделала многое, чтобы спровоцировать российское вторжение. Вместо того, чтобы вступать в какие-либо отношения со своим опасным соседом, говорить об их расширении и «братском» народе, ей было необходимо, как это мудро сделали прибалтийские народы в начале 1990-х, постоянно подчеркивать существующие культурные различия. Сразу дать ясно понять русским, чтобы они не питали никаких иллюзий относительно европейского выбора Украины. Однако многие представители украинской власти предпочитали закрывать глаза на то, что Путин отказывал Украине не только в европейской интеграции, но даже в существовании независимого государства: на международной конференции по безопасности в Мюнхене в 2007 году он прямо назвал Украину фиктивным государственным образованием. Помимо этого, Украина жила в иллюзиях относительно способности и желания руководства России следовать международному праву, а также возможностей Запада воздействовать на последнюю, о чем в предшествующие годы много писал Андрэ Глюксман (14).

Кульминацией этой безрассудной политики стала осень 2013 года, когда Янукович через день менял планы относительно будущих торговых сделок с Москвой и Брюсселем, пытаясь выторговать лучшие условия: по сути, дразня медведя куском мяса, который периодически, то возникал, то снова исчезал перед носом последнего, доводя животное до крайней степени отупения, озлобленности и истерии. Ситуация подогревалась и тем, что Украина после развала Советского Союза имела тесные связи с Россией в области оборонной промышленности (многочисленные предприятия на Востоке страны), которые Россия считала почти своей собственностью, в свете разрастающегося противостояния с Западом. Тем временем, имея дела с русскими всегда рискуешь тем, что они с тобой будут обращаться согласно их нравам и обычаям, в особенности, если вести с ними «душевные» разговоры о «братском» народе. Русские стали искренне думать (в чем им помимо Януковича помогла кремлевская пропаганда), что украинцы близкий к ним народ, с которым можно обращаться характерными для москвитов средствами и манерами.

Хотя русские часто говорят об украинском народе как братском, об интересах которого они всеми силами заботятся, они не обращаются с ним не только как с братским, а вообще с чем-то, что достойно уважения. В представлении Путина и его окружения украинцы были лишь не имеющим прав средством (орудием) для достижения геополитических целей: здесь напрашивается сравнение со скифами, которые выкалывали глаза своим рабам, чтобы те не отвлекались во время выполнения работ.

В последние годы в российском политическом руководстве (круге доверенных лиц Путина) циркулирует теория, что для экономической независимости необходимой для полноценного геополитического противостояния с Западом им нужно иметь экономическое пространство с 200 миллионами рабов; между тем, если сложить жителей России и Белоруссии, становится ясно, что для практического осуществления их теории им как раз недоставало приблизительно 50 миллионов украинских, из которых им посредством захвата Крыма и насильственного поголовного превращения всех местных жителей в «граждан» России, удалось добыть только два (15).

Впрочем, справедливости ради надо отметить, что Запад в отношениях с Путиным сделал не меньше ошибок: начиная с его поддержки в очередной попытке подавления чеченского народа в начале 2000-х, предоставлением Путину возможности три раза заблокировать вступление новых членов в НАТО (Молдавия, Грузия и Украина) и нанеся колоссальный вред предложенной Майклом Макфолом (поддержанной Обамой и Хилари Клинтон) политике «перезагрузки» ради заключения сделки по ядерной программе Ирана и еще пары неясных целей, вроде планов развития демократии в России.

Больше всего в ситуации с Украиной поражает то, что русские, которые обычно не занимаются даже местной политикой у себя в стране (ибо они не способны к такого рода деятельности), в ситуации с Украиной вдруг поголовно прозрели в гораздо более сложных делах международной политики. Кричат о каких-то правах для угнетаемых на востоке Украины русских, что абсурдно, если вспомнить что они в сущности не имеют никаких прав – ни гражданских, ни политических, ни других – в самой России. На самом деле, им просто по нраву диктаторы; они всегда готовы и рады кого-нибудь по оскорблять, поэтому и называют героев Украины (Степана Бандеру или Романа Шухевича), отдавших жизнь за идею независимости, а также членов разного рода патриотических организаций, вроде партии «Свобода» или «Правого сектора», не позволивших решить Януковичу судьбу и будущее Украины за закрытыми дверями резиденции Путина, фашистами.

В свете этих событий представляется жизненно необходимым возвести железный забор на границе с Россией. Если рассматривать нынешнюю ситуацию на Украине в широком историческом контексте, то строительство рва или забора на восточных границах Украины – это новая граница между западным демократическим миром и Востоком. Исторически эта граница всегда пребывала в постоянном движении со времен возникновения древнегреческой культуры и в особенности знаменитой афинской демократии времен Перикла. В эпоху греко-персидских войн она проходила в Малой Азии, в эпоху Римской республики в Галлии, а во времена холодной войны ею была печально известная Берлинская стена. Однако после развала Советского Союза, обретения независимости восточноевропейскими народами в связи с происходившими быстрыми и часто непредсказуемыми политическими трансформациями во многих странах, расширении Европейского Союза и НАТО было непонятно, на каком месте вновь возникнет старая граница и только совсем недавно это стало очевидно для всех.

Теперь Украине – хотела бы она того или нет – предстоит исполнять многовековую миссию Польши, как форпоста западной цивилизации с теми же попытками ее уничтожить, как Россия несколько веков делала, то захватывая, то расчленяя Польшу. Поэтому не стоит строить иллюзий: нынешний конфликт не разрешится ни через 10, ни через 20 лет; у него могут быть разные фазы, но нас ожидает долгая история противостояния, ибо в

действительности, то чему мы свидетели не российско-украинское противостояние – это современный акт происходящего под разными идеологическими вывесками противостояния двух миров, длящегося более двух тысячелетий.

Несомненно, этот объект крайне необходим Украине в виде осязаемого физического объекта, как недвусмысленного символа главный смысл которого показать России культурные и политические различия, чтобы выстроить новые безопасные отношения с последней. Гегель утверждал, что новые устойчивые социальные отношения между субъектами (или народами) могут возникнуть, только если обе стороны их самосознают. Если русским не объяснять их природу, культурные различия между ними и украинцами, не обучать украинских детей в школах истории отношений и не возводить осязаемые границы (стены, рвы и т.д.), то каким образом они возникнут? Только с помощью этих мер возможно создать новые социальные отношения, отражающие природу вещей и способные обезопасить Украину и ее граждан в будущем.

Вместо заключения

Подвести итог всего вышеизложенного лучше всего на примере событий, произошедших 2 мая 2014 года в Одессе, когда толпы подготовленных русских провокаторов наводнили город, желая изменить основы быта, традиции горожан и форму правления городом, но получили достойный отпор. Нет никаких сомнений, что эти действия были совершенно легитимны и морально оправданы, и вот почему.

Как известно, теоретики естественного права, прежде всего, Томас Гоббс и Джон Локк в 17-ом столетии строили свои политические теории на концепции естественного права, важнейшим из которых определялось право на самосохранение, в равной степени свойственное и животным, и людям. Всеобщность этого желания в царстве природы усиливала их аргументы, нисколько не ослабляя исходные предпосылки, ведь их основное внимание было главным образом поглощено внутривнутриполитическими проблемами и событиями той эпохи. Сегодня же рассматривать право на самосохранение по привычке исключительно в качестве физического (или животного) права на жизнь и существование невозможно, ибо без наполненности культурным содержанием люди ничем бы не отличались от самых примитивных животных, превратить их в которых бы всякий имел законное право; в действительности, культура – важнейший и неотъемлемый атрибут человеческих существ, дающий им некоторые неотчуждаемые права.

Люди в Одессе, сжигая пришедших с территории России и местных русских, защищали свое право остаться украинцами, реализуя свое законное право на самосохранение, ибо на стыке цивилизаций происходит постоянная борьба за право остаться человеком. Их действия не были чем-то подготовленным и заранее спланированным: именно тот рациональный страх, о котором я говорил выше, двигал ими. Угроза уничтожения человека, как человеческого существа (human being), и любые попытки поместить его в животное состояние посредством навязывания свойственных москвитам культуры и порядков равнозначна угрозе убийства. Те, кто пытается лишиться кого бы то ни было даруемых культурой прав не имеет законной силы на осуществления подобной деятельности, а поэтому должны нести заслуженное наказание. И если когда-либо в будущем какой-либо подготовленный российскими властями сброд решит снова прийти и навязать свои порядки, то каждый украинский

гражданин, реализуя свое право на самосохранение, имеет совершенно законное право и должен уничтожить их или же применить к ним любые другие насильственные действия по своему усмотрению.

Ссылки:

1. Так, например, 18 апреля 2016 года глава СК РФ А. Бастрыкин заявил, что последние десять лет Россия живет в условиях развязанной США информационной войны, целью которой является разжигание антирусских настроений в прилегающих государствах.: <http://news.mail.ru/politics/25495780/>
2. Как правило, применяется ст. 282 УК РФ
3. Например, «Записки о Московии» (1549) Сигизмунда Герберштейна, «О государстве русском» (1591) Джильса Флетчера
4. см. Лейбниц, Вильгельм Готфрид «Specimen demonstrationum» (1669)
5. see Jules Michelet. The Power of ideas
6. цит. Маркса из его речи на польском митинге в 1867 году
7. см. Маркс. Разоблачение дипломатической истории XVIII века.
8. Геродот. История. Книга I. 106
9. Например, английский историк Доминик Ливен полагал, что именно по причине с значительного геополитического усиления Российской Империи в 18-ом веке на Западе стали распространяться русофобские настроения: такие же жестокие варвары, как турки, но значительно лучше усвоившие европейские технические достижения. см. Ливен, Доминик. Российская Империи и ее враги с XVI века до наших дней. М, «Европа», стр. 368.
Сегодня некоторые западные журналисты выражают мнение, что американские и английские русофобы с политическими целями дискредитировали российскую власть, потому что независимая Россия мешает их мировой гегемонии.
10. В частности, известно, что английская торговая компания по причине выгодной торговли с Россией в конце 16-го века пыталась уничтожить книгу Джильса Флетчера.
11. Аристотель. Политика. Книга I. II. 20
12. Сартр, Ж. Размышления о еврейском вопросе.
13. Історія українського права: Посібн. / І.А. Безклубий, І.С. Гриценко, О.О. Шевченко та ін.. К.: Грамота, 2010, стр. 36
14. Современный французский философ.
15. Особенно показательна история украинского режиссера Олега Сенцова. После оккупации Крыма русские насильственно, против его воли, сделали его гражданином России, а затем за несогласие с оккупацией отправили на 20 лет в тюрьму. Я не знаю, что это иначе, как омерзительный пример рабства в 21 веке.